

МАРИЯ БАРЫКОВА

Женщины Пушкина

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

Санкт-Петербург / Москва

2 0 2 1

УДК 929
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Б24

Барыкова М.

Б24 Женщины Пушкина / Мария Барыкова. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 366 с. — (Серия «Пальмира — история»).

ISBN 978-5-517-03624-7

Книга петербургского писателя Марии Барыковой, в которой рассказывается о женщинах, в которых был влюблен А. С. Пушкин и которых он включил в свой знаменитый «донжуанский список». Несмотря на «африканский темперамент» поэта, в нем отразились не столько победы, сколько увлечения, служившие для него источником творческого вдохновения.

УДК 929
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Барыкова М. Н., 2021

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

ISBN 978-5-517-03624-7

*Многочисленность собрания и
любвеобилие героя... не позволяют
ему пойти дальше флирта, кото-
рым по существу исчерпываются
его отношения с волшебницами.*

А. Терц

Вступление

Поэзия есть жизнь сердца — это ни у кого не вызывает сомнений. Но сердечная жизнь, со всеми своими страстями, порывами и падениями, ни на секунду неотделима от жизни тела. В жизни же тела не высоконравственное, обычно мало кому доступное и плохо поддающееся изображению, а именно безнравственное пленяет воображение людей и является самым характерным и ярким выразителем духа любой эпохи.

Быть может, именно поэтому любовная лирика во всех ее проявлениях — от скабрёзных шуток до божественных сонетов — представляет собой весьма важную часть истории человечества. Именно в ней мы находим как самое блестящее, высокое и утонченное, так и самое безобразное, нелепое и тривиальное из всего, что когда-либо создавал человеческий

дух. Именно в ней в равной мере обнаруживаются и самые вдохновенные порывы души и самые отчаянные ее бездны.

За стихотворными строчками всегда неизбежно стоят те нравственные воззрения и социальные установки, которые формируют половую жизнь каждой эпохи. Жизнь пола, то словно тончайший аромат, то словно запах разложения, проникает во все формы и проявления остальной жизни. Жизнь пола — это вечная проблема, и никакое общество, никакой индивидуум не в состоянии избавиться от ее проявлений. В разные времена она принимала мириады разнообразных оттенков, воспринимаясь то как стихийная божественная сила, то как обыкновенное чисто животное чувство, то как дивная тайна бытия и высшая точка творчества, то как порок и гибель всего рода человеческого.

И любовная лирика любой эпохи, лукавыми путями, но неизбежно следующая за жизнью пола, представляет читателю все наиболее важные стороны сексуального поведения людей своего времени. В ней, чуть поразмыслив и сопоставив факты, можно найти и историю законной и незаконной любви — то есть отношение к браку, верности, целомудрию, прелюбодеянию и проституции, — и историю

разнообразных форм ухаживания и представлений о красоте, радости, наслаждении и способах выражения чувств. Книга мировой лирики — готовая энциклопедия сексуальной жизни мира.

Однако если это утверждение справедливо относительно всего мира, то относительно России его невозможно принять безоговорочно. Волею судеб и в этом, столь свойственном всем народам без исключения вопросе мы оказались отдельными и ни на кого непохожими. Русский Эрос не любил спускаться на грешную землю, предпочитая заоблачные выси платонизма. Русский мужчина там, где нужно проявить решительность в отношении к любимой женщине, чаще всего оказывался нерешительным, медлил, морализировал, сомневался и всегда был готов скорее убежать, чем добиться. А русская женщина любила всегда пылко и страстно, но скорее в мечтах, чем в реальности. Сексуальная энергия русского человека связывалась в первую очередь не с продолжением рода, но с творчеством, религией, поиском новых нравственных ценностей. В том же, что касается ее проявлений, она выливалась лишь в два устоявшихся и привычных вида: в любовь-сладострастие и в любовь-жа-

лость. То есть просто в два крайних полюса сексуальности, не более.

Западное, а уж тем более восточное роскошество любовной поэзии неведомо нашей литературе. Малейший элемент чувственности в поэзии тут же делал ее «непристойной», «мерзкой», «порнографической». У нас не было ничего подобного сказкам тысячи и одной ночи, любви Меджнуна и Лейлы, Тристана и Изольды, Данте и Беатриче, Ромео и Джульетты, с одной стороны, как не было, с другой, Апулея, Парни, Аретино, «Истории одной гречанки» и «Опасных связей»... Но зато у нас был Пушкин.

2

Пушкин является, пожалуй, единственным русским поэтом, который смог едва уловимо не только соединить в себе все достоинства и пороки вышеперечисленных произведений, но развить их и довести до алмазного блеска. Благодаря наличию в русской литературе Пушкина мы, пожалуй, можем смело гордиться и перед Европой и перед Азией: такого вахического поэта не дала миру ни одна страна. Пушкин удивительным образом соединил в себе и меланхоличную негу Петrarки, и холодное сладострастие Байрона, и ленивую чув-